

сотрудники преподавать или заниматься исследованиями? Должна ли их зарплата отличаться от зарплаты остальных коллег? Должны ли отличаться условия повышения по службе и продления контракта? Должны ли они обязательно выучить местный язык или им можно преподавать на английском? Должны ли договорные отношения с иностранцами отличаться от договорных отношений с местными сотрудниками?

Помимо этих важных вопросов есть еще один, и он играет ключевую роль в академической жизни: должны ли иностранные сотрудники глубоко интегрироваться в местную университетскую среду (получать все связанные с этим выгоды и нести все соответствующие издержки) или же лучше создать своего рода «международное гетто», где будут поддерживаться определенные условия и «международные конкурентные стандарты»? В некоторых странах (Австралии, Канаде, США) такой вопрос вообще не встает. А во многих других, в том числе Китае, России, Саудовской Аравии, он чрезвычайно актуален, и очевидно ответа на него нет. Глубокая интегрированность иностранцев в повседневную университетскую жизнь должна способствовать повышению уровня культуры преподавания и ведения исследований, расширять горизонты представителей местного академического сообщества и вообще усиливать культурное многообразие. В то же время в этих процессах заложены определенные риски, связанные с развитием напряженности между местными сотрудниками и иностранцами и низкой удовлетворенностью иностранцев из-за, например, непрозрачности бюрократических процедур, что характерно для многих стран.

Заключение

Роль международных преподавателей на мировой академической арене в XXI веке растет. Эта разнородная группа профессионалов олицетворяет собой одновременно и символический, и практический аспекты интернационализации. Наиболее заметные представители этой группы — это авторитетные профессора, которые работают в ведущих исследовательских университетах по всему миру. В других странах международные преподаватели становятся неотъемлемой частью системы высшего образования в связи с нехваткой местных кадров. Причины, по которым вузы и страны заинтересованы в привлечении иностранных ученых, могут различаться, равно как и причины того, почему люди ищут работу за границей. Ясно одно: количество таких людей и их роль на международном академическом рынке труда растет, и, где бы они ни оказались, они приносят с собой новые традиции и свежий взгляд и способствуют повышению культурного многообразия.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9760>

Переосмысление глобального взаимодействия

Марейк ван дер Венде

Марейк ван дер Венде — профессор наук о высшем образовании Утрехтского университета, Нидерланды. E-mail: m.c.vanderwende@uu.nl.

Пересматривая исходные предположения и сценарии

Сейчас, когда возводятся новые стены и закрываются границы, роль высшего образования как способа построить открытое, демократическое и справедливое общество оказывается под вопросом. Геополитические события последних лет и распространение популистских тенденций ведут к отрицанию интернационализма. Идеи открытых границ, многосторонней торговли и сотрудничества подорваны, глобализацию критикуют, процветает национализм. Брекзит, перспектива распада Евросоюза, отвернувшиеся от всего мира США — все это ставит под угрозу международное сотрудничество в сфере высшего образования, свободное передвижение студентов и ученых, обмен идеями и научными знаниями. В то же время Китай запускает новые глобальные инициативы, в том числе для высшего образования, например проект «Один пояс — один путь» (также известный как «Новый Шелковый путь»), которые потенциально могут вовлечь многие страны Евразии, пусть и на новых, иных условиях.

Эти изменения требуют критического пересмотра наших представлений о глобализации и международном развитии высшего образования. Могли ли мы еще десять лет назад представить себе, что мир станет менее взаимосвязанным и интегрированным? Определения глобализации были естественным образом прогрессивными, говорили об углублении, расширении и ускорении всемирных взаимосвязей в условиях укрепления взаимозависимостей и схожестей между странами и регионами. Однако за прошедшее время мы также увидели ряд серьезных сигналов, говоривших об угрозе распространения неравенства и риске того, что не все выиграют от глобализации: кто-то от нее, наоборот, пострадает.

Десять лет назад Организация экономического сотрудничества и развития опубликовала «Четыре будущих сценария для высшего образования». Один из этих сценариев был озаглавлен «Обслуживая местные сообщества». Прописанные в нем ключевые факторы перемен включали в себя «жесткое сопротивление глобализации <...> рост общественного скептицизма относительно интернационализации, вызванный самыми разными причинами, включая недавние теракты и войны, озабоченность приростом иммиграции,

фрустрацию из-за привлечения иностранной рабочей силы и боязнь того, что глобализация и иностранное влияние поставят национальную идентичность под угрозу». Далее этот документ описывает смелые новые исследовательские программы военного характера, запускаемые правительствами в силу различных геостратегических причин и засекречивания все большего числа исследовательских направлений в сфере естественных наук и инженерного дела (OECD, 2006, <https://www.oecd.org/edu/cei/38073691.pdf>, p. 5). Хотя в момент публикации этого документа описанный сценарий не рассматривался как вероятный, сейчас, десятилетия спустя, на практике мы наблюдаем реализацию именно этого сценария, тем более что недавно было объявлено о том, что ЕС направит миллиарды евро на стимуляцию оборонных исследований.

В общественно-политических дискуссиях о торговле, открытых границах, миграции, беженцах все чаще слышится скептическое отношение к интернационализации — и то же самое происходит в академической среде. Противники интернационализации критикуют ее как элитистский, космополитичный проект, выступают против использования английского в качестве второго языка, против международных рейтингов и вызванной ими мировой гонки репутаций с ее ежегодно публикуемыми списками победителей и проигравших, против привлечения международных студентов ради увеличения доходов вузов, против других форм «академического капитализма».

Глобализация, неравенство и высшее образование

Такие ученые, как экономист Томас Пикетти и социолог Бранко Миланович, способствовали формированию наших представлений о парадоксальных последствиях глобализации. Они выяснили, что, хотя в целом уровень социально-экономического неравенства в мире снижается (главным образом за счет развития азиатских экономик, в первую очередь Китая), в других странах и регионах он, наоборот, растет. Эти тенденции во многом находят отражение и в области высшего образования.

Уменьшение неравенства на глобальном уровне является результатом перебалансировки, произошедшей благодаря улучшению позиций Китая на мировой научно-образовательной арене, что отражается в высокой доле мировых расходов на НИОКР и высокой доле ученых (по обоим этим показателям Китай сейчас занимает второе место в мире после США и Европы соответственно). Неравенство в мире также снижается за счет увеличения численности студентов в разных странах, причем больше половины этого прироста приходится на Китай и Индию. В то же время во многих западных странах государственная поддержка высшего образования снижается. Популярность набирает американская модель, основанная на высокой доле частного финансирования, хотя ее критикуют в

разных странах за ее несправедливость и за то, что она ведет к снижению эффективности расходования средств. Дифференциация доходов все в меньшей степени зависит от наличия высшего образования, потому что происхождение и социальные связи играют все большую роль, особенно в обществах с высокообразованным населением.

Идеи открытых границ, многосторонней торговли и сотрудничества подорваны, глобализацию критикуют, процветает национализм.

Глобальное позиционирование и местные задачи

Таким образом, хотя в среднем по миру уровень неравенства в сфере высшего образования постепенно снижается, эта тенденция вряд ли сможет уравновесить проблему роста неравенства в богатых странах. Результатом этого становится то, что сектор высшего образования испытывает давление с двух сторон: с одной стороны, увеличивается конкуренция на глобальном уровне, а с другой – вузы все чаще подвергаются критике за их локальную деятельность. Наиболее яростной критике подвергаются университеты, которые гонятся за высокими местами в международных рейтингах, т.к. считается, что из-за этого академический истеблишмент забывает о своей национальной и актуальной для местных сообществ миссии и отделяется от общества, внутри которого находится.

Уже десять лет назад было ясно, что глобализация ведет к экономическим перекосам, которые, в свою очередь, оказывают разрушительный эффект на социальную сплоченность, и что глобализация требует перебалансировки. Университетам еще тогда следовало расширить миссию в сторону интернационализации, стать более инклюзивными, задуматься о вопросах миграции и социальной изолированности, пересмотреть общественный договор в контексте глобализации, т.е. сделать образование более доступным для местных студентов, представляющих меньшинства, принять тот факт, что многообразие — это ключ к успеху в глобальном информационном обществе, и, наконец, стать по-настоящему международным и мультикультурным образовательным пространством, которое позволяло бы молодежи становиться гражданами мира.

«Шелковый путь» в будущее

Некоторые университеты добились более высоких результатов, но никто не мог предположить, что им придется столкнуться с теми проблемами, с которыми они борются теперь. Мы, европейцы, и представить их себе не могли, ведь мы были полны оптимизма в золотую эру интернационализации, в период после падения Берлинской стены и даже после терактов 11 сентября. Теперь же, думая о будущем, мы вынуждены задаться рядом важных вопросов, например о влиянии Европейского союза, США и Китая на высшее образование.

Празднование 60-летия принятия Римского договора, состоявшееся 25 марта 2017 года, проходило под флагом ожесточенных споров о будущих сценариях развития Европы, среди которых есть как более обнадеживающие для высшего образования, так и менее. Тем временем ЕС развивает сотрудничество с Китаем в сфере науки путем создания исследовательских центров и подписания различных соглашений в сфере высшего образования, поэтому влияние Китая на мировое высшее образование растет. Как китайские ценности повлияют на высшее образование? Хорошо ли мы понимаем эти ценности? Как подготовить наших студентов к путешествию по этому новому «шелковому пути» в будущее? Это еще одна важная проблема в области интернационализации: нам необходимо углубить и расширить наше понимание мира, перестать фокусироваться главным образом или исключительно на западной цивилизации и открыться новому.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9807>

США, Европа, Азия: многообразие аффилиаций нобелевских лауреатов

Элизабет Мария Шлагбергер,
Лутц Борнманн, Йохан Бауэр

Элизабет Мария Шлагбергер — специалист по информации в Биохимическом институте Макса Планка (Мартинсрид, Германия). E-mail: schlagberger@biochem.mpg.de.

Лутц Борнманн — исследователь в административной штаб-квартире Общества Макса Планка (Мюнхен). E-mail: lutz.bornmann@gv.mpg.de.

Йохан Бауэр — исследователь, специалист по информации в Биохимическом институте Макса Планка (Мартинсрид). E-mail: jbauer@biochem.mpg.de.

Что способствует продвижению репутации университета? Научные лаборатории, университеты, исследовательские институты или даже коммерческие компании поддерживают будущих нобелевских лауреатов тем, что дают им возможность заниматься наукой. В качестве возврата своих инвестиций они рассматривают репутацию, которую нобелевские лауреаты принесут их организациям. Однако нередко ученые получают награду за первоклассную работу, выполненную давным-давно и в совсем другом вузе, а не в том, где он или они работают в текущий момент. Поэтому сложно говорить о том, какие вузы действительно способствуют развитию передовой науки. Последнее исследование, посвященное исследовательским организациям, где будущие нобелевские лауреаты писали статьи, которые впоследствии и принесли им признание, проводила социолог Харриет Цукерман в 1976 году. В книге «Научная элита: Нобелевские лауреаты США о нобелевских лауреатах за 1901–1975 гг.» она привела рейтинг университетов, составленный на основе данных о 92 американских нобелевских лауреатах.

Наше исследование (Schlagberger et al. *Scientometrics*, 2016, DOI: 10.1007/s11192-016-2059-2) охватило всех 155 нобелевских лауреатов по химии, физике и физиологии/медицине за 1994–2014 годы. Мы постарались выявить, в каких научных организациях была проведена работа, за которую ученые получили Нобелевскую премию. Работа основана на анализе биографий ученых. Недавно мы расширили выборку до 2016 года включительно (n=170).

Рейтинг стран по количеству научных публикаций, за которые авторам была присуждена Нобелевская премия

В исследуемый нами период (1994–2016) лидером по количеству нобелевских лауреатов оказались США (n=94,5), на втором месте Великобритания (n=20,5) и на третьем — Япония (n=12,5). За ними следуют Франция и Германия (n=8 и n=6,5 соответственно). Результаты получились нецелочисленными, т.к. некоторые лауреаты были аффилированы одновременно с несколькими странами.

Нобелевские лауреаты, работавшие в ведущих исследовательских институтах

США также возглавили и институциональный рейтинг, на вершине которого оказались Калифорнийский университет в Беркли и исследовательский институт Лаборатории Белла в Мюррей-Хилле, штат Нью-Джерси (оба по n=6), Гарвардский университет (n=5) и Университет Рокфеллера (n=4). Примечательно, что в Лаборатории Белла работали исключительно лауреаты по физике.